

ИСАБЕК АШИМОВ

**Тихая конечность:
Антропологическая мутация в эпоху
искусственного интеллекта**

СБОРНИК ФАКУЛЬТАТИВНЫХ
ЛЕКЦИЙ



Исабек АШИМОВ

**Тихая конечность:
Антропологическая мутация
в эпоху искусственного
интеллекта. Сборник
факультативных лекций**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Тихая конечность: Антропологическая мутация в эпоху искусственного интеллекта. Сборник факультативных лекций / И. Ашимов — «Издательские решения»,

Сборник посвящен осмыслению «тихого конца» человеческой исключительности. Основные идеи изложены в ранее опубликованной книге «Тихий конец человека и тихое рождение новой личности (Философский автонарратив)». Исследуются механизмы самоидентификации через осознание смерти, анализирует риски утраты субъектности и обосновывает необходимость сохранения «человеческой меры» в условиях глобальной цифровизации. Работа представляет собой уникальный синтез физических законов сохранения энергии и экзистенциальной философии.

© Ашимов И.

© Издательские решения

Содержание

| | |
|---|----|
| Предисловие автора | 6 |
| Расширенный модуль лекции №1 | 7 |
| Тема: Метафизика тихого конца: экзистенциальный фильтр смыслов в преддверии техновиды | 8 |
| Расширенный модуль лекции №2 | 13 |
| Тема: Тихий конец субъекта: продуктивная тревога и границы внетелесного смысла | 14 |
| Расширенный модуль лекции №3 | 17 |
| Тема: Метафизика возвращения: биологическое угасание как путь к досоциальной подлинности | 18 |
| Расширенный модуль лекции №4 | 22 |
| Тема: Экзистенциальная ревизия: социальная смерть как порог антропологического обновления | 23 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 25 |

Тихая конечность: Антропологическая мутация в эпоху искусственного интеллекта Сборник факультативных лекций

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0069-8037-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Представленный цикл веб-лекций является важной частью факультативного курса Виртуального Института Человека. В рамках этой образовательной платформы мы стремимся не просто зафиксировать технологические изменения, но и создать «экзистенциальный фильтр», позволяющий человеку сохранить целостность в эпоху великой антропологической мутации. Эти лекции стали результатом многолетнего анализа, отраженного в монографиях «Философская эсхатология» и «Философия незамеченной трансформации», а также в книге «Тихий конец человека и тихое рождение новой личности (Философский автонарратив)».

Мы рассматриваем технологический прогресс не как внешнюю силу, а как сложный процесс «передачи эстафеты» от биологического разума к искусственным системам. Для максимальной наглядности в курсе используются отсылки к научно-фантастическим сюжетам романов «Биовзлом», «Биокомпьютер» и «Аватар», которые служат зеркалом наших будущих трансформаций.

Ключевые аспекты лекций: во-первых, принятие конечности — осознание смерти как механизма сборки смыслов и самоидентификации личности; во-вторых, антропологические точки невозврата — выявление критериев допустимости вмешательства нейро- и биоинженерии в человеческую природу; в-третьих, трансфер сознания и паттерны — интерпретация смерти как трансформации конфигурации материи (паттерна) согласно законам термодинамики; в-четвертых, цифровая эсхатология — утрата ответственности и субъектности при переходе под управление алгоритмов.

Нами разработан философский манифест «человеческой меры»: в условиях тотальной цифровизации достоинство человека проявляется в способности превратить страх исчезновения в осознанный выбор нового онтологического статуса, где конечность становится необходимым условием вечности.

Расширенный модуль лекции №1

Тема: Метафизика тихого конца: экзистенциальный фильтр смыслов в преддверии техновида

Цель: Обосновать значение принятия конечности бытия («тихого конца») как необходимого условия смысловой целостности личности и проанализировать риски утраты этой целостности при переходе человека в статус технологического объекта.

Контент: Недавно увидел свет две мои научные монографии: «Философская эсхатология» и «Философия незамеченной трансформации». Первая представляет собой развернутую научную доктрину предельных состояний современного человека и цивилизации в условиях техно-гуманитарного кризиса, тогда как во второй отражены итоги философского анализа скрытой антропологической мутации человека в эпоху нейротехнологий, искусственного интеллекта и проектов трансфера сознания. Нами проведена философская интерпретация конца как процесса утраты меры, субъектности, ответственности и смысловой целостности человека в эпоху ускоренного технологического развития.

Нужно отметить, что трансформация человека нами трактуется как цепь допустимых и недопустимых форм «передачи эстафеты» от биологического и культурного субъекта к техносистемам, алгоритмам и искусственному интеллекту. При этом особое внимание нами уделено антропологическим точкам невозврата, критериям допустимости технологий, проблемам нейро- и биоинженерии, медицинской этики, киберфилософии, гуманитарных технологий и социально-когнитивных искажений реальности. В вышеуказанных книгах речь идет о разработанной нами концепции антропологического предела, которая показывает, что технологическое расширение человеческих возможностей переходит в качественное изменение онтологического статуса человека — от субъекта смысла и морали к вычислительному объекту техносферы.

Нужно также отметить, что обе монографии сочетают философский, нейронаучный, культурологический и художественно-антропологический анализ, формируя не только целостную доктрину критики трансгуманизма и постгуманизма, но и вводя и систематизируя оригинальные концепты эстафетной гуманологии, техноэстафеты, этики запаздывающего сознания, философии предупреждения и человеческого конца как альтернативы техноутопиям бессмертия.

Акцентируем внимание также на то, что обе книги сочетают в себе философский анализ, научно-художественные мысленные эксперименты и гуманитарную экспертизу, формируя антиэсхатологическую стратегию, ориентированную не на отрицание технологического прогресса, а на его подчинение человеческой мере. Нужно заметить, что в обеих книгах в той или иной степени, уровне и стиле речь идет о тихом конце человека и человечества в целом, а потому не лишена некоторой абстрактности. Между тем, оставались неисследованными некоторые вопросы. Скажем, как обстоит дело с идеей конечности человека в персонализированном контексте? Речь идет о восприятии смерти конкретным человеком в разные годы своей жизни. В нашем случае речь пойдет о собственном восприятии смерти.

Таким образом, данная книга продолжает философскую линию ранее созданных работ, посвящённых конечности человека в условиях техногуманитарной трансформации. Однако, если прежние тексты были посвящены анализу конца человека преимущественно в цивилизационном и антропологическом измерении, то настоящее произведение переводит фокус в персонализированную плоскость — на индивидуальное переживание смертности, прежде всего в старости и состоянии социальной смерти.

Человек знает, что умрёт, но не знает, когда. Это может случиться через много лет для молодого человека или спустя несколько минут, часов, дней для человека старого. Л. Витген-

штейн писал: «Смерть — это не событие жизни, потому что её не переживают, а жизнь — это то, что происходит между рождением и смертью, но сама смерть не входит в это между, ибо, она граница, а не часть того, что ограничивает». Однако, если смерть — это не событие, если её не переживают, то почему она так сильно влияет на жизнь и человеческую судьбу? Почему осознание смертности кардинально меняет всё, чем живет человек? Почему некоторые люди, узнавшие о скорой смерти, начинают жить иначе?

В жизни много примеров того, как одни, узнав о своей скорой кончине, впадают в про­страцию, депрессию, а другие, наоборот, начинают ценить каждый час и день, прощают старые обиды, говорят то, что молчали годами. Почему смерть, которую нельзя пережить, обладает такой властью над живыми? Оказывается, ответы на вышеприведенные вопросы лежат не в самой смерти, а в её предвосхищении, которое во многом носит индивидуалистский характер.

Известно, что осознание конечности зависит от многих факторов и среди них главным является возрастные пределы, когда время и возраст конкретного человека заметно меняют иерархию ценностей в его сознании. То, что казалось важным, становится ничтожным, то, что откладывалось на потом, требует немедленного действия, то, что не имело смысла, приобретает новый смысл. В этом контексте, следует признать, что смерть работает как фильтр, который отсеивает несущественное и оставляет только то, что действительно имеет значение.

Между тем, такое утверждение носит в себе парадокс о том, что этот фильтр работает в зависимости от влияния существенных факторов — время и возраст, либо когда смерть ещё впереди, либо когда она рядом, либо когда время человека сжимается до конечного предела. Тогда у человека жизнь становится осмысленной. Но почему мы не можем жить так всегда, зная, что смерть неизбежна? Потому что знание о смерти абстрактно и именно такая неопределённость разрывает страх, делает его фоновым, терпимым в детстве, молодости, зрелости и вполне осознанным в старости.

Известно, что мозг постепенно привыкает к этому фоновому страху и человек перестаёт его замечать. Жизнь его идёт своим чередом, человек строит планы на будущее, и только тогда, когда появляется конкретная угроза (фатальный диагноз, несчастный случай и пр.) у него в сознании страх смерти внезапно актуализируется, а абстрактное знание о смерти превращается в живое ощущение. Экзистенциальные психологи говорят, что страх смерти — это на самом деле страх жизни, то есть страх того, что человек не живёт по-настоящему, что он проживает чужую жизнь, следуя либо чужим ожиданиям, либо откладывая главное на потом. То есть смерть пугает человека не сама по себе, а как напоминание о нереализованности.

Подобное восприятие смерти характерно для среднего возраста, когда человек живет полной жизнью, когда каждый день человека наполнен смыслом, на фоне которого страх смерти не так очевиден. Однако, в старости все меняется кардинально. Старый человек воспринимает себя самого уже неполноценным или иначе говоря почти живым, в его сознании уже угнездилась мысль о том, что в этой жизни ему отныне терять нечего, ибо, он уже прожил то, что хотели прожить, а дальше в жизни у него будут лишь страдания и ожидание конца.

Есть и другие факторы, к числу которых можно отнести качество жизни человека, независимо от его возраста. Казалось бы любой человек будет сожалеть о потере, а потому будет цепляться за жизнь, ибо, есть чего терять. Однако, есть категория людей, которые глубоко разочаровались в жизни, испытали трудности и лишения, потеряли или же не нашли свое место в социуме, а потому жизнь свою считают пустой, безрадостной. Такие люди считают абсурдным продолжение своей жизни. В этом аспекте, психология смерти не подчиняется простой логике.

В жизни много примеров того, как люди, прожившие тяжелую жизнь, полная лишений радости и благополучия, продолжает отчаянно цепляться за неё, потому что это всё, что у них есть. Напротив, у людей, у которых жизнь, казалось бы удалась, так как прожили благополучную, легкую и радостную жизнь, готовы принять смерть спокойно, потому что чувствуют, что

прожили достаточно лет — честно, полезно, достойно. И все же среди остальных факторов, главным фактором осознания страха смерти все-таки является возраст человека.

Люди, прожившие долгую жизнь, как правило, чаще других не боятся смерти, выражая ощущение готовности к естественному завершению земной жизни. Нужно отметить, что вышеприведенное ощущение готовности к смерти у старых людей, находящихся на грани социальной, психологической и биологической смерти обусловлено узнаванием смерти уже в критической вблизи. В этом контексте, даже социальную смерть нужно воспринимать как первое умирание. В этой стадии умирания, у старого человека появляется чувство того, что он почти жив, но еще не умер.

Данная книга написана мною именно в такой стадии и в таком состоянии, когда у меня появилось ощущение реальной близости своего конца. После травмы, будучи стариком, прикованным к постели, у меня случилось то самое — узнавание социальной смерти вблизи.

Вообще, при описании не только узнавания смерти в рамках первого умирания, но и при осмыслении смерти в разные периоды жизни, — это смещение акцента на внутреннюю трансформацию и изменение системы ценностей. В данной книге акцент нами делается именно на тезис о том, что смерть — это не только конец, но и начало, вот почему призываю читать книгу не умом, а ощущением. Что хотелось бы выразить в данной книге? Прежде всего то, что смерть является важнейшей и вечной категорией философии конечности человека, что человек знает признаки умирания, знает смерть как процесс, но не знает саму смерть, как конечное состояние. В этом контексте, страх человека перед смертью всегда иррационален по сути, ибо, он боится того, чего не испытает никогда. Иначе говоря, смерть существует только для живых, для мёртвых же её не существует, потому что не существует самих мёртвых как субъектов опыта.

Вышеуказанный парадокс Эпикур описал еще 2300 лет (!) тому назад: «Пока вы живы, смерти нет. Когда смерть наступает, вас уже нет. Вы никогда не встретитесь со смертью, потому что для встречи нужны двое — смерть и человек как субъект». В книге хочу подчеркнуть, что философы заметили, что в логике Эпикура игнорируется один вопрос: что происходит в момент смерти с точки зрения того, кто умирает?

В свое время М. Хайдеггер вёл понятие «Бытие к смерти», согласно которого, человек всю жизнь существует в предвосхищении собственной смерти и именно это предвосхищение делает его существование подлинным. Однако, при ближайшем рассмотрении эта концепция содержит фундаментальную ошибку: как можно предвосхитить то, что не имеет содержания для предвосхищающего? Человек не знает, что такое смерть, потому что все его знания основаны на опыте, а смерть — это прекращение всякого опыта. То есть смерть — это отсутствие субъекта, который мог бы зафиксировать это отсутствие, а между тем, это логическая невозможность опыта.

Говоря об опыте восприятия страха смерти нужно отметить синдром отложенной жизни. «Вот построю дом, тогда начну жить. Вот получу высшее образование, тогда обзаведусь семьей. Вот детей подниму, тогда отдохну. Вот сделаю карьеру, тогда займусь любимым делом. Вот выйду на пенсию, тогда буду путешествовать». Жизнь показывает, что «потом» для нашего мозга часто означает никогда, ибо, как всегда неожиданную коррекцию личного плана, стратегии, принципов, позиций личности может поменять неожиданная ими смерть.

Страх смерти присутствует в сознании людей на всех этапах жизни, забирая у них именно то, чего он боится лишиться. У ИИ спросили: можно ли избавиться от страха смерти? Вот его ответ: «Полностью нет. Это биология. Пока человек жив, он будет хотеть жить». Да. Бояться смерти — это нормальная реакция человека, но можно изменить свои отношения с этим страхом, перестав быть его заложником. В жизни каждый из нас, наверняка сталкивался с разными типами отношения к смерти: принятие (смерть как естественный финал), нейтралитет (равно-

душие и усталость от жизни), избегание (глубокая внутренняя тревога), танатофобия (панический страх смерти).

Из студенческой поры знаю, что не только при входе в анатомические музеи кафедр нормальной анатомии, патологической анатомии, топографической анатомии, музей пластинации Кыргызского государственного медицинского института, но и при входе в секционные залы моргов всегда висела табличка: «Momento more!» (пер. с лат. — «Помни о смерти!»). История знает, что эту фразу писали и в книгах, картинах, скульптурах, памятниках, монетах, часах для того, чтобы люди помнили о смерти как конце и тем самым осознавали реальный вкус жизни. Да. Смерть — это граница и именно то, что время жизни человека ограничено, делает каждый ее час ценным активом. По большому счету, смерть — это единственная причина, по которой человек вообще что-то делает.

Сейчас, в век высоких технологий, глобализации и тотальной цифровизации, аватаризации, виртуализации обнаружилось парадоксальное: ИИ — машина, у которой нет жизни, понимает ценность жизни лучше, чем многие из нас. Она видит человека как существ, обладающих невероятным даром, сознанием, чувствами, способностью любить и творить. Но он видит и то, что человек тратит такой дар на страх потерять его. В этом контексте, страх смерти — это индикатор. ИИ говорит: «Проблема человека не в том, что он смертен, а в том, что он не до конца жив». Это упрек машины, не имеющего сознания и чувства (!).

В целом, исходным замыслом книги была идея рассмотреть смерть не как переживаемое событие, а как мощный регулятор жизни через её предвосхищение. Нами используется различие: во-первых, смерть как онтологическая граница; во-вторых, предвосхищение смерти как экзистенциальный процесс; в-третьих, социальная смерть как первый опыт умирания. Старость нами описывается не только биологически, но прежде всего социально: через утрату ролей, статуса, телесной автономии и прежней профессиональной идентичности. Это состояние, этот возраст, это сознание, безусловно, приводит к радикальной переоценке всего жизненного пути.

На наш взгляд, философская новизна книги состоит в предложении обратной траектории нарратива: движение от конца к началу жизни. Такой метод позволяет реконструировать изменчивость страха смерти на разных возрастных этапах и показать, что осознание конечности — процесс, имеющий собственную возрастную динамику. То есть позволяет выявить скрытые структуры страха смерти и их связь с личной историей, комплексами и творческой эволюцией автора.

В приведенной выше динамике смерть рассматривается как фильтр смыслов: по мере приближения конца происходит очищение жизненных приоритетов. Старость выступает периодом, когда абстрактное знание о смерти превращается в конкретное внутреннее ощущение. В отличие от ранних этапов жизни, где смерть фоновая, здесь она становится организующим принципом мышления. По Э. Эриксону, это целостность против отчаяния, когда человек принимает смерть как «последнюю границу» без ужаса. Старики часто испытывают потребность говорить о смерти, как впрочем и я в настоящем, что является ничем иным как психологической подготовкой к «тихому концу».

Резюме: Феномен «тихого конца» — это не как биологический сбой, а высший фильтр смыслов, позволяющего человеку реконструировать свою идентичность перед лицом вечности. Такая идея противопоставляется естественной динамике принятия смерти, характерную для классической антропологии, современным техногенным вызовам (ИИ, нейротехнологии, трансфер сознания), которые ведут к «незамеченной трансформации» человека. Ключевой вывод заключается в том, что современная цивилизация достигла антропологического предела: расширяя возможности носителя, мы рискуем утратить самого субъекта морали и смысла. Переход к «новому человеку» (техновиду) рассматривается через призму утраты меры и ответственности. Лекция утверждает необходимость сохранения «философии предела», где осозна-

ние конечности остается единственной преградой на пути превращения человека из свободного центра мира в вычислительный элемент техносферы.

Расширенный модуль лекции №2

Тема: Тихий конец субъекта: продуктивная тревога и границы внетелесного смысла

Цель: Проанализировать феномен «социальной смерти» как предварительной фазы исчезновения человека и исследовать онтологические последствия существования сознания в форме «Аватара» — между телом и духом, вне времени и биологического возраста.

Контент: В моем научно-фантастическом романе «Аватар» есть литературно-философская сюжетная завязка, с которого всё и началось: не только более глубокое осмысление смерти, но и узнавание его вблизи. На Конгрессе нейробиологов профессор Каракулов (мой литературно-философский прототип) выступил с докладом о границах сознания, но по возвращению в отель у него случился инфаркт миокарда. Всё, что он чувствовал в последние мгновения физической жизни — это не страх, а удивление, как будто тело наконец призналось, что больше не может быть носителем. Однако, согласно сюжета, смерть не стала его концом. Международная научная группа нейрофизиологов выполнил оригинальный нейрохирургический, нейрофизиологический, нейробиохимический и нейросетевой эксперимент. Мозг целиком изъяли и разместили в контейнере с питательной средой, а также подключили его к нейросети, создав между ними интерфейс. Так профессор стал иным, стал тем, кого потом назовут — Аватар.

Социально Каракулов был мёртв, официально — захоронен, но личность его продолжала мыслить, чувствовать, рефлексировать в новом, несубстанциальном состоянии — не тело, не дух, а нечто между. То есть вне времени, вне организма, вне возраста, вне статуса. Именно тогда я впервые задал себе главный вопрос: если Аватар уже не человек в традиционном понимании, а остаток человека может ли он сохранить свою личность? В моем понимании — это была социальная смерть человека. Надо сказать, что в тот период жизни, когда я после перелома позвоночника находился в полупостельном режиме, я сам осознавал наступление пусть символически, но социальной моей смерти.

Признаться, моя социальная смерть не была ни символической, ни настоящей, ибо, с одной стороны, была обусловлено частичной изоляцией из-за травмы, вынудившего находится в домашней обстановке, а с другой стороны — это было моей добровольной изоляцией в целях обретения внутреннего покоя, чтобы сосредоточиться на своем внутреннем развитии. Так совпало, что я через книгу «Аватар» как бы объявил о наступлении у меня социальной смерти, ибо, такая физическая трансформация была похожа на вспышку сознания — физическое бессилие, обреченность на полужизнь, ощущение потери всего того, что делало меня живым в телесном смысле из-за старческого возраста, а также потребность в глубоком осмыслении своей завершенности и конечности.

Помнится, в те дни я начал прислушиваться к своему внутреннему голосу. Именно этот голос как-то сказал: «Возможно утешением для тебя станет писательство по примеру Н. Островского, который, будучи прикованным к постели из-за болезней и слепоты начал диктовать свою знаменитую повесть «Как закалялась сталь». Я начал вспоминать события своей жизни, хотя они были не столь богатыми и интересными по содержанию, как у героя повести — Павки Корчагина, а потому переключился не на события, а на следы и смыслы своей жизни. Так я уходил вглубь, в обратную сторону, когда был и становился снова, но уже не тем, кто говорит, а тем, кто слышит, не тем, кто действует, а тем, кто различает. Это и было мое возвращение к смыслу, к осознанию многих вещей, включая процесса умирания уже вблизи, находясь в состоянии социальной смерти.

Подоплека моего ухода в социально-психологическую тишину описана мною в философской повести «Замок «Белый аист». Еще в детские и юные годы суета, тревоги, сомнения, застенчивость, неуверенность и малодушие воспринимались мною как невидимые путы, ско-

ывающие мою волю и парализующие мои действие. Психологи сказали бы, что они были скорее следствием отсутствия во мне внутренней опоры, неспособности укорениться в собственной истине. Между тем, мне обязательно хотелось в будущем стать цельным, творческим человеком.

Пожалуй именно в эти годы юношеская мысль о том, что крепость или замок должен был стать и символом, и источником собственного уединения, причем, не как бегства от несправедливого мира, а скорее, как необходимого условия для самопознания и обретения внутренней свободы и стойкости стало моей мечтой. Зачитываясь книгами писателей, философов, мудрецов, я уже тогда понимал, что уединение для творческого человека вовсе не изоляция от познания мира, а, наоборот, его катализатор, подобно отшельничеству, которое для человека-ищущего — есть самое необходимое условие и путь к постижению глубин истины, недоступных в шуме суеты мира. В этом аспекте, образ крепости и сама крепость мысли, по моему разумению, должен был стать метафизической защитой от внешнего негатива, позволяя моему духу оставаться собранным, цельным.

Вот-так, в те ранние года для меня крепость или замок были не просто архитектурными формами, а скорее метафорами идеального пространства для независимости мысли и духа, представляя собой не только физическое убежище, но и ментальную цитадель, где будущий творческий человек, каковым мне мечталось стать во взрослой жизни, мог бы беспрепятственно предаваться сосредоточенности и уединению, где царил бы та глубинная тишина, в которой только и возможно личности услышать голос собственной истины.

Вот-так зарождалась во мне идея построения замка-крепости. Да. Та была юношеской мечтой о создании собственного, автономного мира, внутри которого можно было бы безраздельно властвовать над своими мыслями, строя свой уникальный путь к познанию, свободный от любого внешнего давления и внутренних помех. Спустя много лет, вблизи Бишкека, в предгорьях Ала-арчинского заповедника я все-таки построил замок моей мечты. Признаться, замок «Белый аист» сыграл ключевую роль в моем духовном устремлении, ибо, именно в тиши замка шло формирование меня как свободного философа, мыслителя, созерцателя. В этом плане, сама идея построения удаленного от перекрестков обычной жизни, убежища, позволяет раскрыть ключевые контексты моей социальной изоляции и более глубокое осмысление феномена смерти.

Нахожу нужным описать ключевые особенности восприятия смерти в состоянии социальной смерти. Есть ее онтологические признаки: это разрыв между биологическим существованием и социальной идентичностью, а также переход от телесной активности к чистой рефлексии. В ситуации социальной изоляции усиливается предвосхищения конца, когда психологически отмечается снижение страха физической смерти, но рост экзистенциального анализа.

Из своего опыта знаю, что у человек старческого возраста внимание больше концентрируется на смыслах, а не на событиях. У человек появляется ощущение завершённости жизненного цикла, что обуславливает переоценку ими своих достижений и социальной роли. У меня это особенно четко проявилось в виде перехода от научной активности к внутреннему диалогу. Можно сказать, что телесная травма была своего рода катализатором моего философского поворота. Отныне философское и литературное творчество были продолжением моей личности. В этом контексте, могу утверждать, что экзистенциальной функцией социальной смерти в такой интерпретации является инициацией философского самоанализа, демифологизация страха смерти, а также переход к «тихому» принятию конечности. Между тем, это и есть переход от макроантропологической эсхатологии к персональной феноменологии умирания.

Таким образом, концепция социальной смерти как первого умирания и как особого когнитивно-экзистенциального состояния старости позволило мне многое понять и осмыслить заново. Как медик и ученый-физиолог знаю, что с точки зрения биологии смерть отдельного

организма не трагедии, а необходимость. Человек умирает, чтобы освободить ресурсы и место для следующих поколений и в этом смысле его смерть — это вклад в продолжение жизни как таковой. Конечно же такая правда звучит холодно и бесчеловечно, но это логика природы и эволюции для которой, как известно, нет дела до человеческих страхов, надежд и страданий. Для неё человек — есть не что иное как временная конструкция, собранная из атомов, которая выполнив функцию передачи генов должна разобратся обратно, чтобы атомы использовались заново.

Важно отметить то, что вся трагедия человека заключается в том, что он не может принять такую логику природы, потому что для него собственное существование — это не временная конструкция, а единственная реальность. Человек, возмнив себя центром Вселенной он не может посмотреть на себя глазами эволюции, потому что его перспектива — это всего лишь перспектива изнутри жизни, а потому для него важны свои личные переживания, мысли, отношения. На таком фоне суждения о том, что всё это для природы, Вселенной уже не имеет значения. То обстоятельство, что «все пройдет», исчезнет, не оставив следа будет осознаваться человеком как непереносимая несправедливость и жестокость. Самое парадоксальное заключается в том, что несмотря на всю накопленную человечеством культуры, которые встраивают смерть в систему смыслов, человек смерть принимается тяжело, трагично. Он продолжает противиться восприятию правды своей конечности.

Возможно, религии, которые обещают загробную жизнь, дают утешение, а возможно философия, которая объясняет смерть как переход или трансформацию, снижают тревогу человека, но, к сожалению, не убирает их. Но что, если убрать все эти утешения? Что если признать, что смерть — это конец, окончательный и бесповоротный, без продолжения, без возрождения, без смысла? Можно ли жить с этим знанием? Эпикур говорил, что можно, утверждая то, что освобождение от страха смерти — это путь к счастью. Если человек понимает, что смерти для него не существует, он перестаёт тратить жизнь на страх и начинает наслаждаться тем, что есть. Но человек целиком не осознает такое утверждение. Возникает вопрос: можно ли действительно перестать бояться смерти, поняв её логическую невозможность для субъекта?

Нужно отметить, что философы говорят, что если человек понимает, что он сам представляет собой поток процессов, а не неизменная сущность, смерть перестаёт быть для него катастрофой. Но здесь возникает проблема. Если я это не неизменная сущность, а поток процессов, то кто умирает? Кто боится? Что такое финальная смерть? Философия рассуждает о том, что тот или иной конкретный человек — это просто последняя версия его, после которой не будет следующей. Но если каждая версия — это отдельное существо, связанное с предыдущим только памятью, то смерть не отличается от обычного течения времени. Получается, что человек умирает каждый момент и каждый момент рождается снова. Это красивая философия, но она не снимает страх, потому что страх смерти — это не страх изменения, а страх полного исчезновения. То есть смерть — это конец субъекта, что и пугает человека, который считает себя центром мира.

Резюме: Подчеркивается, что смерть — это не просто поток процессов, а финал уникального центра мира. На примере литературно-философского прототипа (профессора Каракулова) рассматривается ситуация, когда личность, официально признанная мертвой, продолжает рефлексировать в искусственной среде. Ключевой вывод лекции строится на анализе страха исчезновения субъекта. Переход в состояние Аватара ставит вопрос о сохранении «Я» в несубстанциальной форме. Лекция подводит к мысли, что «тихий конец» биологического человека в современном мире становится не точкой, а зоной неопределенности, где продуктивная тревога старости встречается с вызовом нейросетевого бессмертия, навсегда меняя статус человеческого присутствия в бытии.

Расширенный модуль лекции №3

Тема: Метафизика возвращения: биологическое угасание как путь к досоциальной подлинности

Цель: Обосновать философскую ценность периода биологического угасания как процесса освобождения от навязанных социальных ролей («масок») и исследования возможности существования личности в новом, несубстанциальном качестве.

Контент: «Кто смотрит вовне — спит. Кто смотрит внутрь — пробуждается», — писал К. Юнг. На мой взгляд, жизнь, которая начинается со смерти и движется вспять, предлагает уникальный ракурс для переосмысления каждого шага любой личности. В этой обратной хронологии мы наблюдаем не становление, а растворение достижений, не стремление к целям, а их отдаление, позволяя зрелому сознанию автора и глубокому его пути проявиться в новом свете. Это не просто инверсия времени, а возможность увидеть «полезность» обратного хода, где опыт уже однажды прожитого трансформирует восприятие каждого «возвращенного» мгновения.

В контексте обратной траектории бытия» понятие «остановленное мгновение» приобретает парадоксальный и глубокий смысл, становясь не просто временной паузой, а точкой метафизического разворота, призванной к переосмыслению и новому видению реальности. Точка сингулярности обратного времени: если в обычной жизни «остановленное мгновение» может быть мимолетной передышкой или моментом глубокой рефлексии, то в обратной хронологии оно выступает как краеугольный камень, как некая сингулярность, в которой привычный поток времени разворачивается вспять. Это не замирание, а скорее точка отсчета для движения в обратном направлении, где финал становится началом, а начало — кульминацией.

Нужно отметить, что социальная смерть, как начальная точка в этом обратном потоке, сама по себе является остановленным мгновением, из которого начинает разворачиваться вся прожитая жизнь. Добровольная социальная смерть для И. Канта, Ф. Ницше, Ф. Шопенгауера и других мыслителей были своего рода инструмент глубокого осмысления действительности. Эпицентр переосмысления — «остановленное мгновение» в этой книге-размышлении — это не просто момент фиксации прошлого, а точка активного переосмысления для меня самого. Оно предлагает взглянуть на уже прожитую жизнь не как на линейную последовательность причин и следствий, а как на совокупность взаимосвязанных событий, которые, будучи развернутыми в обратном порядке, обнажают новые смыслы и связи. Это мгновение, когда мы сознательно останавливаемся, чтобы осознать не «как это произошло», а «почему это должно было закончиться именно так», или «что предшествовало этому завершению».

Пафос ряда моих сочинений заключается в стремлении выйти за рамки обыденности, взглянуть на жизнь и смерть с необычного ракурса (социальная смерть), тем самым побуждая читателя к собственной остановке и рефлексии над собственной жизнью в старческие года. В конечном итоге, «остановленное мгновение» может быть прочитано как метафора вечности, где время теряет свою линейность. Это взгляд на жизнь не как на цепочку событий, а как на единое, целостное существование, которое можно рассматривать с любой точки, в любом направлении. В этом «остановленном мгновении» прошлое, настоящее и будущее сливаются, открывая доступ к глубинным истинам бытия и смерти.

Таким образом, «остановленное мгновение» в данном контексте — это не просто пауза, а активный, осознанный и метафизически значимый акт разворота, переосмысления и погружения в глубины бытия, позволяющий взглянуть на жизнь и смерть с принципиально новой перспективы.

На наш взгляд, представляется интересным разворачивание тезиса: забвение и смирение — отказ от известности. Чувство разочарования, возникающее не столько от перегруженности

успехами и званиями, сколько продолжающейся неудовлетворенностью, лимитирует движение вперед. Это состояние покоя и тишины, когда «Я» не перегружено внешними достижениями, а стремится к внутреннему умиротворению, становится изначальной точкой.

В указанном выше контексте, интерес представляет начало с завершения или смерть как источника забвения. Если жизнь начинается со смерти, то первое, что утасует — это память о человеке в мире. Все почести, звания, награды, признание — всё это постепенно стирается. «Заслуженный», «академик», «профессор», «лауреат» — эти титулы и звания, которые в обычной жизни являются кульминацией успеха, здесь исчезают первыми. Это не трагедия, а естественный процесс «обнуления», возвращения к изначальному состоянию небытия, предваряющему «рождение» в обратном смысле. В этом аспекте, забвение становится актом смирения перед неизбежным ходом времени, даже если оно инвертировано. На этом этапе жизни или правильно будет сказано — социальной смерти, происходит освобождение человека от бремени известности. Для человека, который в реальной жизни достиг определенного уровня признания, известность неизбежно несет бремя — это и общественные ожидания, это и необходимость поддерживать имидж, это и постоянное внимание.

Итак, в обратном пути, отказ от известности — это акт освобождения. Человек больше не обязан соответствовать никаким внешним требованиям, он уходит от перегруженности успехом и «чувства выгорания, возникающего от перегруженности успехами и званиями», которое, как отмечают психологи, «лимитирует движение вперед» в реальной жизни. В рамках социальной смерти, как некоей инверсной реальности, это «разочарование» служит катализатором для отхода от известности.

Забвение не навязывается извне, а принимается внутренне через смирение. Между тем, это не пассивное принятие участи, а активный выбор не стремиться к признанию, это отказ от тщеславия — того самого «тщеславия», которое в «ключевых идеях книги» не считается основной побудительной силой, но которое, тем не менее, часто сопровождает успех. Смирение здесь — это понимание, что истинная ценность не в «укреплении чувства никчемности, ущербности личности» через внешние достижения, а в развитии «социального чувства», которое в обратной жизни означает отказ от эгоцентричного стремления к признанию, славе и известности.

В любом случае и в любом возрасте, смерть — это загадка, которая не имеет решения, потому что решение требует категории, которые применимы только к жизни. Это граница познания, за которой нет субъекта познания, а потому бояться смерти значит любить жизнь. Даже если страх иррационален, даже если логика доказывает, что бояться нечего, этот страх человечен. Он часть того, что делает нас людьми, существами, которые знают о конце и живут вопреки этому знанию.

Эпикур говорил, что философия — это лекарство для души, цель которой является не истина ради истины, а избавление от страданий. Люди могут засомневаться в том, что если философия смерти не избавляет от страха, значит она не работает. Полагаю, что в задачу философии входит и разрушение чувства страха, не позволить этому чувству парализовать жизнь, не дать ему стать центром вокруг которого всё вращается. Таким образом, страх смерти естественен в любом возрасте, но в старческие годы он не должен управлять решениями, ибо, осознание смертности должно освобождать человека от страха.

Известно, что категории «смирение» и «достоинство» человека тесно взаимосвязаны между собой, а в нашем случае означает — уйти во время, смириться с судьбой, с будущим и неизвестностью. Восстановление истинной простоты бытия и есть достойный добровольный уход человека из социальной среды. В этом обратном потоке, когда известные детали жизни человека постепенно исчезают, остается лишь его сущность, не обремененная внешними атрибутами. Это возвращение к той самой «простоте», которая предшествует всем социальным конструктам и достижениям. Это состояние, когда «Я» не перегружено внешними достиже-

ниями, а стремится к внутреннему умиротворению и тишине, становясь изначальной точкой самодостаточности.

Таким образом, «забвение и смирение — отказ от известности» — это не утрата в привычном смысле, а парадоксальное обретение человека, которому было суждено познать добровольную социальную смерть. Опыт осознания этой смерти для творческих личностей и есть обретение внутренней свободы, спокойствия и подлинности. Уходя от громких имен и званий, человек в этой обратной траектории находит себя не в публичном признании, а в глубинном внутреннем покое, внутри своего убежища.

В итоге, «забвение и смирение, отказ от известности», на мой взгляд, выступает как фундаментальный акт деконструкции Эго, возвращение к исходному состоянию недифференцированного бытия, где внешнее признание уступает место глубокому внутреннему покою и освобождению. Как опыт социальной смерти человека сам по себе интересен развернутый тезис: возвращение к простоте. Речи идет о декомпозиции достижений и титулов в рамках социальной смерти с закономерной актуализацией личного осмысления конечности человека.

Человеческое существование — это короткая вспышка сознания в безразличной Вселенной. В какой-то момент ты начинаешь замечать, что пришло время серьезно посмотреть на смерть, когда она становится близко, как никогда. Отныне для человека всё остальное становится уже неважным. Если повезёт, проявляется смирение и искренность, человек начинает понимать, что всё вокруг просто исчезнет.

Когда человек стоит на пороге смерти, все вопросы становятся бессмысленными, потому что для смерти они абсолютно не важны. Впервые приходит мысль, что отныне нет смысла цепляться за жизнь, сейчас пока нужно просто присутствовать спокойно и просто, минуя сложные вопросы, не реагируя на всё, что не является важным, жизненным, отсеивая всё лишнее. Человеку в старческом возрасте просто нужно осознание смерти как критерия ценности жизни. Так постепенно приходит ощущение завершения пути.

Если обычная жизнь строится на накоплении знаний, опыта и регалий, то в обратном пути происходит их постепенное «растворение». Человек отныне не стремится к вершинам академической иерархии, а, наоборот, отходит от них и этот процесс не является потерей или упадком, а скорее освобождением от груза ответственности, ожиданий, связанных с высоким статусом. Простота здесь — это не примитивность, а отказ от избыточного, от внешних атрибутов успеха, это отдача знаний и, одновременно, возвращение к познанию.

Повторное осмысление феномена смерти также меняется. Происходит смена фокуса осмысления с внешнего на внутреннее, что особенно заметно на фоне социальной смерти, когда в человеке происходит глубокая переоценка ценностей бытия. Таким образом, «возвращение к простоте» символизирует не регресс, а освобождение от социального груза, возвращение к готовности понять и принять смерть.

В обычной жизни, человек сначала живет в социуме, стремится к успеху, а потом, возможно, в зрелом возрасте, приходит к осознанию потребности в одиночестве и внутренней свободе. Уже в состоянии социальной смерти человек ощущает свободу от социальных конвенций и ожиданий. В жизни он абсолютно свободен, в том числе в осмыслении конечности своего бытия, ему не интересно когда и где его настигнет смерть, а важно, чтобы он перед уходом в небо смог бы прочитать молитву во славу Аллаха.

Таким образом, в старости, в особенности в состоянии социальной смерти, в одиночестве и свободе — это глубинное погружение в изначальное состояние бытия, где человек свободен от социальных цепей, руководствуется внутренней интуицией и обретает подлинность в своем индивидуальном, даже если и «странном», пути к познанию и самореализации.

Смерть — это не конец, потому что конец предполагает продолжение, которого нет. Она и не начало, потому что начало предполагает субъект, который начинает, а субъект исчезает. Смерть — это граница, за которой заканчиваются все категории, все концепции, все слова.

Человек будет жить до последнего момента своей жизни. В этом последнем моменте он жив, а потом его не станет и ему не дано зафиксировать свой конец. То есть для него смерти уже не будет существовать.

Эпикур был прав: «Смерть — это не проблема умершего, а это проблема тех, кому он был дорог». В этом контексте, смерть — это учитель, который показывает, что важно и ценно. Она напоминает о том, что момент невосвратим, что выбор имеет вес, что время — это единственный ресурс, который нельзя восполнить. Итак, финальная мысль такова: «Смерть — это не то, что случится с человеком. Это то, что определяет, кто он есть сейчас и тут.

Впервые старый человек в своем пребывании в покое позволяет себе просто быть, жить, молчать, как впрочем, в свои года ощущали и И. Кант, И. Ф. Ницше, Ф. Шопенгауэр и др. Молчание — это отсутствие звуков, но присутствие смысла, который не нуждается в словах, это язык, на котором разговаривают с вечностью. Именно в такой глухой тишине внутри к человеку является его Тень, которая бывает рядом с человеком всегда. Он вечный свидетель его и в этом качестве знает всё, что нужно было доказать — доказано, всё, что можно было потерять — потеряно.

Странно, находясь в старческом возрасте и в состоянии социальной смерти, человек не чувствует прежнего страха и сомнения. Напротив, наступило странное облегчение: наконец-то можно отпустить свои титулы, должности, признание, всё, что так долго было тяжестью. Покой медленно наполняет каждую клетку. Он умирает, но не в смысле конца, а в смысле возвращения. У него смерть социальная, когда все социальное вокруг теряет смысл на фоне возвращения к себе, к простоте, к первооснове. Он понимает, что такая смерть — не финал, а первый вдох в обратную сторону. Не точка, а запятая, за которой начинается новый абзац — абзац без суеты, без гонки, без страха, без сомнений и борений сам с собой.

Как сказал Блез Паскаль: «Человек бесконечно выше человека». И, возможно, именно сейчас — освобождённый от имени, званий, ролей — я приближаюсь к тому самому, бесконечному в человеке, к себе, каким был до всех масок, до всех заслуг, до всех поражений и побед. Вокруг непривычная тишина, лишь отзвуки прожитого.

Впервые такое ощущение я почувствовал, когда написал свою книгу «Аватар», который по моему замыслу стал социально мёртвым, официально — захороненным, но личность Каракулова в форме «мозг в контейнере + нейросеть» продолжала мыслить, чувствовать, рефлексировать — в новом, несубстанциальном состоянии. «...Если я всё ещё думаю — значит, Я всё ещё есть. Значит, Я — не форма, я вектор и новое намерение», — рассуждает Аватар. Вот-так, именно с этой мыслью я, как автор, пока живой и невредимый, начал вспоминать не свою жизнь, а её смысл, не события, а следы и смыслы. Вот-так начинал свой путь и в глубь и в обратном направлении, был и становился снова. Но уже не тем, кто говорит, а тем, кто слышит, действует, различает.

Резюме: Предлагается парадоксальный метод «обратной хронологии», где жизнь рассматривается не как становление, а как осознанное растворение достижений. Интерпретируется биологическое увядание и социальную смерть не как финал, а как «первый вдох в обратную сторону» — точку метафизического разворота, позволяющую субъекту пробудиться от «сна внешнего мира». Ключевой вывод лекции базируется на синтезе личного опыта и концепции «Аватара»: когда тело перестает быть надежным носителем, а социальные звания теряют смысл, человек приближается к своей бесконечной основе. Финал биологического существования понимается как «запятая», за которой начинается новое состояние сознания — свободное от суеты, страха и внутренних борений, где субъект определяется уже не формой, а чистым намерением и вектором смысла.

Расширенный модуль лекции №4

Тема: Экзистенциальная ревизия: социальная смерть как порог антропологического обновления

Цель: Раскрыть динамику трансформации страха смерти в старческом возрасте и обосновать концепцию «тихого конца» как акта высшего достоинства, при котором принятие конечности становится фундаментом для качественного обновления сознания.

Контент: Человек, находящийся в старческом возрасте обязан использовать осознание смертности как учителя прямо сейчас, не дожидаясь последних дней. Если старый человек культивирует осознанность, сострадание, мудрость в жизни, или же, наоборот, выкультивирует страх, привязанность, отвращение, то эти качества будут присутствовать в момент смерти, создавая то или иное качество сознания. Когда приходит смерть, сознание может отпустить без борьбы и страданий. Потому что умирание без сопротивления, без страха, в состоянии принятия и покоя само по себе ценно как последний акт достоинства, последнее выражение свободы. Как ученый-физиолог понимаю, что такое отношение к смерти влияет на процесс умирания, ибо, доказано то, что люди, принимающие смерть, имеют более низкие уровни стрессовых гормонов. Их мозг показывает активность в областях, связанных с покоем и принятием, а не с борьбой и стрессом. Принятие изменяет саму биохимию умирания, делая процесс менее болезненным и травматичным.

В свое время, академик Н.М.Амосов писал: «Хирурги — лучшие из врачей, ибо, они ближе к смертям...». Да. Это так. Хирурги всегда сталкиваются с трагедией смерти. Как ученый-хирург всегда наблюдал то, что родственники умирающего переживают меньше травмы, когда их родной или близкий человек умирает мирно. Напротив, когда умирающий борется до конца, цепляясь за жизнь в отчаянии, это оставляет глубокие раны у родных и близких, которые присутствуют в момент умирания близкого человека. В этом контексте мирная смерть — это последний дар, который человек может дать не только родным и близким, но и лечащим врачам, медперсоналу, которые действуют с полной преданностью, с максимальным усилием, но готовые отпустить привязанность к плодам действия.

Я как врач-хирург много раз убеждался в том, что медицина в ряде случаев бессильна и результат не в наших руках. В наших руках только усилия, намерения, качество действия. Когда хирурги применяют это к болезни и смерти, они делают всё возможное для исцеления, даже ценой разрушения самого себя, своего здоровья, психики, жизни. Врачи борются за жизнь, но не против смерти. Если борьба за жизнь наполняет энергией, мобилизует ресурсы, активизирует исцеляющие силы тела и духа, то борьба против смерти истощает, порождает безнадёжность, создаёт конфликт с неизбежным. В этом аспекте, первое позитивно и конструктивно, а второе — негативно и разрушительно.

Изучая жизни людей, переживших такие ремиссии, исследователи нашли общие паттерны. Многие из них прошли через глубокую психологическую трансформацию. Они отпустили обиды, простили прошлое, переоценили приоритеты, нашли новый смысл. И критически важно, многие из них достигли принятия смерти. Это парадоксально. Они исцелились после того, как приняли возможность смерти. Не потому, что отказались от борьбы, а потому, что отпустили страх. Страх сам по себе токсичен, ибо, подавляет иммунную систему, нарушает регуляцию гормонов, создаёт воспаление. Когда страх смерти отпущен, тело может направить энергию на исцеление вместо защиты, что доказано на уровне психонейроиммунологических я, научно документированная связь между психологическим состоянием и физиологическим здоровьем. Но даже если исцеление не происходит, принятие трансформирует опыт умирания.

Медико-социальные исследования по идентификации обращения умирающих показывают, что люди могут достичь уровня мудрости, сострадания, любви, даже в процессе умира-

ния. Слова «Я прощаю и прошу и меня простить!» указывают на искренность перед смертью, последнюю истину, глубинную связь, подлинностью выражения, полноту присутствия. Оказывается, что человек, проживший целый век в поверхностном избегании, живет меньше, чем человек, проживший три-четыре десятка лет, но в глубоком присутствии. Смерть показывает эту правду с абсолютной ясностью. В конце жизни, как говорилось выше, не имеет значения, сколько человек накопил богатство, какого статуса достиг, а имеет значение насколько был полезен в обществе.

Мы — медики не понаслышке знаем такой феномен как посттравматический рост сознательности и благородства. Люди, пережившие серьёзные травмы, болезнь, потерю, катастрофу, чудом избежавшие смерть с ощущением «второго рождения», часто сообщают, что их жизнь стала более осмысленной после травмы, что они по новому ценят ее, что переоценили приоритеты, углубили отношения с людьми, осмыслили ценность жизни. Мы также знакомы с тем, что некоторые пациенты умирают в горечи, сопротивлении, отрицании, когда как другие, наоборот, осмысливая приближение смерти, активизируются с мыслью о том, чтобы «завершить начатое». Такое осознание служит неким катализатором для трансформации своей оставшейся жизни.

В целом, страх смерти обусловлен прежде всего тем, что человек боится исчезнуть как личность, а это потеря личной истории. Но что, если всё это неправильная идентификация? Что если личность человека — это нечто более фундаментальное, что не рождается и не умирает? Каждая духовная традиция указывает на эту возможность. Христианство говорит о вечной душе, созданной по образу Бога. Ислам учит о рух — духе, который возвращается к Аллаху. Индуизм говорит о Батмане, идентичном брахману. Буддизм, отвергая концепцию постоянной души. Даже атеистический экзистенциализм признаёт, что сознание трансцендирует свои объекты, что субъект не может быть полностью объективирован.

Квантовая механика, квантовое мышление также указывает на то, что сознание не исчезает, а аккумулируется во вселенной. Что объединяет все эти перспективы? Объединяют то, что формы возникают и исчезают, тела рождаются и умирают, личности формируются и распадаются, истории начинаются и заканчиваются. Но то, что осознаёт все эти изменения, само не изменяется: осознание рождения не рождается, осознание смерти не умирает. Это парадокс, который ум не может полностью схватить, но сознание может прямо познать через прямое исследование опыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.